

ШАЛОСТЬ

МИРА ФОРСТ

18+

Новогодняя досада

Мира Форст

Шалость

«Автор»

2026

Форст М.

Шалость / М. Форст — «Автор», 2026 — (Новогодняя досада)

– Девушка, коттеджем ошиблись?– Не ошиблась. Куда надо пришла. Хозяин туристической базы отдыха «Золотая Иволга» с уже большим интересом поглядел на меня. А я сделала решительный шаг, встала на цыпочки и быстро поцеловала его в губы.– И что это значит? – потемнел взгляд мужчины. Взгляд не сулил мне романтики, и я растеряла всю свою храбрость.– Простите, это шалость. Просто шалость, – пискнула позорно.– Шалость? – совсем посмурнело его лицо.– Мы с друзьями в фанты играли. И мне фант такой выпал, поцеловать хозяина турбазы. Вот я и пришла, – пояснила торопливо, пятась к выходу.– А ну стой! – ухватил он меня за рукав куртки, подтянул к себе и теперь сам впился требовательным поцелуем в мои губы.

© Форст М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. ЛИЗА	5
ГЛАВА 2. ЛИЗА	9
ГЛАВА 3. ЛИЗА	13
ГЛАВА 4. ЛИЗА	16
ГЛАВА 5. ЛИЗА	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мира Форст

Шалость

ГЛАВА 1. ЛИЗА

– У мужчины есть любовница. Этот мужчина женат. Любовница решилась на убийство его жены, но перепутала женщин и убила ее соседку. Лиза! Ты вообще меня не слушаешь!

– Чего? – вздрогнула от возмущенного окрика Сюзанны.

– Чего-чего... – передразнила она меня. – Фильм тебе интересный рассказываю. Вчера смотрела. А ты не реагируешь никак.

– Извини. Задумалась, – щелкнула компьютерной мышкой, закрывая зачетную ведомость. Должников опять полно. Третий курс..., чего с них взять. Почувствовали себя взрослыми, прогуливали весь семестр, теперь сдать ничего не могут. После новогодних праздников потянутся в деканат с конфетами, начнут просить помощи у методистов. У нас этих конфет целый стеллаж. Сюзанна шутит, мол, пора продавать.

– Опять о Перегудове думаешь? – проницательно заметила подруга.

– О своем решении, – вздохнула, вспомнив лицо Саши, когда сказала ему о расставании. – Правильно ли я поступила?

– Конечно, правильно! – с шумом впахнула Сюзаннка в шкаф папки с личными делами пятикурсников. У нас с ней разделение труда, я методист второго и третьего курсов, она – четвертого и пятого. Первый курс мы делим пополам, по группам. – Ты его не любишь. Зачем замуж за нелюбимого выходить? – говорила подружка правильные слова, но я продолжала переживать.

– Сюзанн, мне все-таки двадцать шесть уже, – принялась ставить печати на справках для военкоматов. – А я все еще не замужем. И отвергла единственного парня, который меня туда звал.

– Добрынина, я тоже не замужем. И вовсе не унываю по этому поводу.

– Так ты развелась месяц назад, – напомнила ей.

– Развелась, потому что Никитка осел, – фыркнула Коршунова. – А ты не замужем, потому что несколько лет с Перегудовым гуляла и на других мужиков не реагировала. А они ведь вокруг тебя штабелями укладываются, Лиз. Оглянись вокруг просто. Толик Шилов тот же...

– Ой..., вот не надо про него, – подбешивал молодой преподаватель правоведения, постоянно подкарауливавший меня в коридорах университета.

– Не нравится Толик, понравится другой, – оптимистично заявила Сюзанна.

– Не хочу, чтоб просто нравился. Мне уже Саша нравился, – попыталась объяснить подруге причину своей хандры. – Понимаешь, хочется так, чтоб, когда жить без него не можешь, когда он один весь мир тебе заменяет, чтоб дрожать от восторга, зная, что этот мужчина твой.

– Вот поедем на турбазу, там и встретишь такого, – предсказала Коршунова.

Через две недели после того разговора, университетский автобус свернул с МКАД на указателе «Туристическая база отдыха «Золотая Иволга», доехал до шлагбаума, водитель остановился, переговорил с охраной, и нас пропустили на территорию турбазы. Из-за метели, окрестности не слишком просматривались, но даже сплошной белый пейзаж радовал глаз. После суетливой Москвы, молчаливый сосновый лес навевал умиротворение и безмятежность.

Мы выгрузились у административного здания, разобрали сумки и зашли внутрь, стяхивая снег с шапок и сапог.

– Сейчас все выясню и будем заселяться, – взяла на себя инициативу Анечка Зотова.

Пока она осаждала стойку ресепшна, остальные столпились у приветственного стола, где вновь прибывших угощали напитками и закусками-тарталетками.

– Мне уже здесь нравится, – пригубила Сюзанна брют, разлитый по пластиковым бокалам.

– Девочки, целых восемь дней сказки! – обнял нас за плечи Толик. К сожалению, ему тоже досталась путевка от профкома, придется мириться с его компанией.

– Ромео, веди себя прилично, – вслед за мной, вынырнула из-под его неуклюжих объятий Сюзаннка. – Студенты смотрят.

– Да им плевать на нас, – отмахнулся Шилов и был в общем-то прав. Студенты приехали сюда в рамках молодежного слета, а нам просто повезло подвизаться к вкусному пирогу. Все дело в дружбе с Анечкой Зотовой. Она у нас председатель профкома и организовала для своих любимчиков практически бесплатные путевки на новогодние праздники.

– Так, народ, – вернулась к обществу Анна. – Есть проблема.

– Мы перепутали турбазу? – схохмил кто-то из студентов.

– Нет. Не перепутали, – помотала головой Зотова. – Вот, хозяин турбазы вам сейчас все объяснит.

К нашей группе из восемнадцати человек приблизился высокий, широкоплечий мужчина. Он мне напомнил Илью Муромца с картины Васнецова «Богатыри». Такой же могучий, большой и былинный. Коня только не хватает. И кольчуги. А так... густые брови нависают над веками, взгляд карих глаз тяжел, но в зрачках пляшут искорки. Темная щетина плотно покрывает скулы и подбородок.

Не знаю почему, тарашусь на него, моргаю часто.

– Захар Дмитриевич Ревский, – представляется он. – Я решил лично встретить вашу группу, чтобы попросить об одолжении. Для вас забронирован двухэтажный коттедж-шале. Предлагаю вам другой вариант. Два коттеджа. В одном – пять двухместных номеров. В другом – четыре. Все удобства и, пожалуй, они даже комфортнее того, где у вас бронь.

– А в чем причина? – пожелал знать Толик.

– Форс-мажорные обстоятельства. Меня попросили разместить на турбазе пожилых людей из программы «Активное долголетие». Им желательно быть всем вместе в одном доме. А нужный по количеству мест у нас лишь один коттедж.

– Не вижу проблем, ребят. Правда? – промурлыкала Зотова.

Показалось мне, Анна кокетничает с Раевским. Я скосила глаза на его правую руку. Обручального кольца на нужном пальце не было.

ГЛАВА 2. ЛИЗА

Все согласно кивают. Так даже лучше. Студенты будут жить отдельно, сотрудники вуза – в другом коттедже. Очень удобно, не придется потом в институте краснеть друг перед другом. Захар Дмитриевич благодарит и оставляет нас. Он проходит мимо меня, и я улавливаю запах его одеколона – смесь мяты, мандарина и кожи. Мне нравится этот запах, он подходит мужчине.

Мы все какое-то время толчемся в холле у стойки ресепшн. Две девушки-администраторши заполняют документы и выдают ключи. Выходим с Сюзанной на улицу. Смеемся, когда возле нас останавливаются сани с упряжкой гончих собак.

– Подвезти, девушки? – подмигивает нам погонщик.

– В девятый коттедж, – флиртует с женщиной Сюзанна.

Закидываем в сани свои сумки, кое-как устраиваемся сами, и хохочем весь путь до нужного дома. Предполагаю, наш провожатый специально удлинит дорогу, приглянулась ему моя улыбчивая подруга, он и сумку ей помог по ступеням поднять. А мою подхватил Толик, добравшийся раньше нас.

Наш домик похож на избушку, уютную, пряничную. Два этажа. Две комнаты наверху, там же уборная и душевая, две внизу с аналогичными удобствами. Еще есть общая гостиная на первом этаже и небольшая кухня.

– Класс!! – восторгается Аня Зотова. – Мы со Светкой живем на втором этаже, – решает она за себя и за молчаливого библиотечного работника Свету.

– Ну а вы, девчонки? – дает нам выбрать лаборант с кафедры химии - Алексей Трошин.

– Я собираюсь веселиться, а будучи навеселе, лучше избегать лестниц, – выдает моя Сюзанна. – Так что мы с Лизаветой занимаем комнату на первом этаже.

Я не возражаю, мне в общем-то все равно.

– Отлично. Вот и разбились на парочки, – потирает ладони Шилов, многозначительно поглядывая на меня. – Костик с Иваном на втором этаже, а я Лехой остаюсь на первом.

Костя с Иваном затевают с Толиком спор, но больше так, для самоутверждения, потом все же идут со своими сумками наверх.

Обустроиваемся и все вместе отправляемся на разведку. Турбаза оказывается довольно-таки большой, с развлечениями на любой вкус и возраст. Тут тебе и канатная дорога, и лыжи, и катание в упряжках не только с гончими, но и с лошадьми. На замерзшем озере залит каток, неподалеку - ледяной городок. Прокат снегоходов. Отдельное здание термального комплекса с уличным подогреваемым бассейном и здание ресторана, где нас будут кормить три раза в день. Раскрасневшиеся на морозце аниматоры зазывают детей и взрослых поучаствовать в разных забавах.

– Тут стенд с дедлайном, – обращает внимание Толя на информационный столб.

Я читаю внимательно. Досуг продуман до мелочей. Заскучать тут точно не получится. Узнаем, что в том же здании, где ресторан, работает кинотеатр и вечерняя дискотека. Сбоку от термального комплекса пристройка для библиотеки и детской игровой комнаты.

У нас был поздний заезд, потому, более-менее разобравшись, идем на ужин. Шведский стол. То, что надо.

– По одному бокальчику дают бесплатно, – принес Анатолий поднос с бокалами белого сухого.

– Я в полном восторге! – безостановочно болтает Анна. – Еще бы метель унялась, а то мне даже за шиворот намело.

– Может, после ужина в гостиной соберемся? – предлагает Константин, наш незаменимый в вузе системный администратор. – В картишки поиграем или лото. Я видел, там полный комод с настольными играми.

– Или в фанты, – лукаво добавляет Аня.

– Это, как на твоём дне рождения играли? – напоминает Сюзанна. – Где мне выпал фант, проглотить васаби?

– Обещаю, васаби больше не будет, – хохочет Анна над тем воспоминанием.

– Пусть каждый свой фант напишет, и бросим в общую коробку, – предлагает Шилов.

– Только без пошлостей, – быстро добавляю я, так как могу предположить, чего он там пожелает.

– Договорились, – вновь подхватывает Аня. – Каждый пишет по три фанта. Без пошлостей.

В коттедж мы почти бежим, спасаясь от взбесившегося снега.

Иван находит в гостиной блокнот и отрывает нужное количество листочков. Разбираем ручки и карандаши из деревянной подставки.

– Не подглядывай! – шикает Сюзанна на Константина.

Складываем свои бумажки в шапку Толика, он трясет ее, потом считает считалочку. Первому тянуть выпадает Ивану.

– Сделай гимнастический мостик, – читает он.

Мы хихикаем. Ванька толстый. Он философ и никак не спортсмен. Мостик у него выходит ужасным, и остальные парни над ним откровенно издеваются. Правда, Лешка прекращает ржать, когда ему выпадает фант заплести Светке косички. Он не умеет, у него ничего не выходит, и теперь все смеются над ним.

Сюзанне приходится бултыхнуться лицом в снег, а Толику считать до ста.

– Поцеловать хозяина турбазы, – зачитываю то, что выпало мне.

– Оу-оу-оу! – вопят мальчишки. Девочки хмыкают. Подмечаю, Анна не очень довольна. Ясно, этот фант написала она и рассчитывала сама его исполнить.

– Предлагаю заменить получателя поцелуя! – кричит Толя. – Пусть Добрынина меня целует.

– Согласна, – поддерживает Зотова.

– Ну ... нет, – возмущается Сюзанна. – Фант – поцеловать хозяина турбазы. Собирайся, Лизавета, и топай в семнадцатый коттедж, он там живет. Потом нам расскажешь.

– Я тоже считаю, что надо выполнять условия, – неожиданно вмешивается тихоня Света.

– Иди, Добрынина, чего уж там, раз такой глупый фант написали, – расстраивается Толик.

И я надеваю синюю куртку-парку, гляжусь в большое зеркало, приделанное к дверце шкафа в прихожей. Поправляю широкий ворот свитера. Взбиваю пальцами длинные волосы. Перед самыми праздниками я чуть оттенила специальным тоником их естественный каштаново-рыжий цвет, смотрится эффектно, насыщенно.

Иду по расчищенной тропке, снег хрустит под подошвами моих высоких сапог. Азарт подгоняет меня. Мне страшно, но в то же время я в восторге от этого фанта. Образ Раевского никак не уходит из моей головы. Я почему-то не могу перестать думать о нем.

В доме горит свет. Не во всех окнах. Вдруг он не один? – только теперь соображаю, как мое появление будет выглядеть, если мужчина с кем-то. Не даю себе спасовать и стучу в дверь.

Хозяин коттеджа и всей турбазы появляется почти сразу. В зеленом свитере толстой вязки он кажется еще более могучим, чем в тот единственный раз, когда я его видела.

Сложил руки на груди, оперся плечом о деревянную балку.

– Девушка, коттеджем ошиблись? – спас он меня от необходимости говорить первой.

– Не ошиблась. Куда надо пришла, – откровенно пялюсь на него, в его присутствии мне не хватает сил вести себя более скромно.

Захар Дмитриевич с уже большим интересом поглядел на меня. А я сделала решительный шаг, встала на цыпочки и быстро поцеловала его в губы.

– И что это значит? – потемнел взгляд мужчины. Взгляд не сулил мне романтики, и я растеряла всю свою храбрость.

– Простите, это шалость. Просто шалость, – пискнула позорно.

– Шалость? – совсем посмурнело его лицо.

– Мы с друзьями в фанты играли. И мне фант такой выпал, поцеловать хозяина турбазы. Вот я и пришла, – пояснила торопливо, пятясь назад.

– А ну... стой! – ухватил он меня за рукав куртки, подтянул к себе и теперь сам впился требовательным поцелуем в мои губы.

ГЛАВА 3. ЛИЗА

Его ладонь на изгибе моей спины. Его пальцы путают мои волосы. Его губы дарят такой поцелуй, от которого отключается рассудок, а все тело окатывает горячей волной. Я не могу оставаться безучастной, обхватываю его мощную шею, прижимаюсь к мужчине сильнее и отвечаю на его бешеный поцелуй. Невероятное, несдержанное безумие лишает дыхания, требует большего.

Но неожиданно все заканчивается. Оказывается, продолжения здесь жаждала лишь я одна.

– Ваш фант, девушка, – отлепляет меня Захар от себя и буквально выталкивает вниз со ступеней во двор.

– Лиза. Это мое имя, – говорю обиженно. Целовал и даже не поинтересовался тем, как девушку зовут.

– Это неважно, – откровенно насмехается он надо мной. – Лиза, Катя, Маша. Ты мне в дочери годишься, а приходишь сюда с такими откровенными намерениями. На месте твоего отца, я бы тебе хорошенько всыпал ремнем.

Горло душит кольцо гнева. Перед глазами шаровые молнии. Никогда в жизни еще меня так не унижали.

– В двадцать шесть лет я вполне сама могу решать, куда, к кому и с какими намерениями мне идти, – шиплю злобно. Хочу ударить его, расцарапать ему лицо за то, что оскорбил так. Вслух мужчина не произнес, но в морозном воздухе трещит неприятным словом – «шлюха».

– А выглядишь на двадцать, – смеривает он меня неприязненным взглядом. – Хотя, это не меняет ситуации. Мне сорок три. Моей дочери пять, и я теперь заранее боюсь, что, когда она вырастет, вот так же бесстыже заявится с поцелуями к незнакомому взрослому мужику. Надеюсь, я правильно ее воспитаю, и мне не придется за нее краснеть в будущем.

– Может, ваша жена неправильно воспитает, – колко бросаю я.

– У меня нет жены. Мы в разводе, – тяжело смотрит на меня Захар Дмитриевич.

Этот жесткий и презрительный взгляд совсем добивает меня, ноги становятся ватными, адреналин и злость сменяются слабостью, и совершенно по непонятной причине, от стресса, не иначе, я валюсь в сугроб. Совсем упасть не успеваю, сильные руки подхватывают.

– Давай, ты будешь падать не к моим ногам, – встряхивает он меня, словно котенка.

– Я не... эм-м, – теряю связность речи, так потрясена противоречивыми эмоциями и ощущениями, что испытываю вблизи этого мужчины.

– Еще и пьяная, – делает он свои выводы. – Стой на месте. Куртку надену, отвезу тебя.

Стою послушно, потому что ноги до сих пор не в порядке. В голове все еще кипит яростью, а вот в груди печет и пульсирует, сердце слишком пылко реагирует на Захара Дмитриевича, так пылко, что мне даже больно. Это оглушает и беспокоит. Я что же, влюбилась? Вот так? От поцелуя одного? Или торкнуло уже в ту минуту, как впервые увидела его? А так бывает? Я всегда считала, что люди преувеличивают силу любви, чему способствуют романтические фильмы и книжицы. Да и как я могу влюбиться в такого наглеца и мужлана? Он же оскорбил, унизил, прогнал, обозвал.

– Стоишь..., – хмыкнул Раевский, появившийся на крыльце своего дома в теплой ярко-красной куртке. – Шапку хотя бы натянула, дурочка безмозглая.

– У меня капюшон, – не заметила я, когда он сполз с моей головы. Наверное, когда мужчина держал меня за затылок, целуя.

– Давай, в машину садись, недоразумение рыжее, – шелкнул он брелоком, и в уже сильно сгустившейся темноте, мигнули желтым фары огромного джипа.

Джип стоял под навесом, совсем близко, но я не сдвинулась с места. Рыжее недоразумение? Он и вправду видит во мне кота какого-то?

– Ну надо же... Свалилась на мою голову, – мужская рука в черной кожаной перчатке сомкнулась на моем локте и настойчиво увлекла к черному монстру.

Мне открыли заднюю пассажирскую дверку. Вероятно, мужчина не хотел, чтобы я сидела с ним рядом. Так противна? Да уж... Произвела впечатление... Распутница, пьянчужка, безмозглая. Еще и с котом ассоциируюсь.

– Какой номер коттеджа? – обернулся он после того, как сел за руль и провернул ключ в замке зажигания.

– Не помню, – соврала я.

Вздыхает, вынимает из кармана куртки мобильник.

– Фамилию свою тоже не помнишь? – глядит на меня, как на ничтожество.

– Фамилию помню, – поджимаю губы. – Добрынина.

Нажимает значок вызова на смартфоне. Ему отвечают мгновенно.

– Да, Захар Дмитриевич? – вежливый и почтительный женский голос на громкой связи.

– Ольга, посмотрите, в каком коттедже у нас Елизавета Добрынина.

– Минутку, – слышу, как невидимая Ольга стучит пальцами по клавишам компьютерной клавиатуры. – Девятый, – быстро находит она нужную информацию. – Молодежный слет, кому мы расселение поменяли.

– Спасибо, – благодарит он женщину, отключает вызов, и джип плавно трогается с места.

Я смотрю в окошко, заснеженный пейзаж подсвечивается цветными лампочками-гирляндами. Снег унялся, теперь снежинки кружат медленно. Сказочно так – ели, сосны, домики-шалы. И злой на меня мужчина. Был занят какими-то своими делами, теперь вынужден работать извозчиком. Он не говорит со мной больше, и я не лезу, достаточно наслушалась в свой адрес. Лучше бы тот фант вытащила Анька Зотова. Глупое сердце с подобным раскладом не согласно, сжимается ревностью. Интересно, ее Захар так же бы поцеловал жадно? А вдруг с ней ему бы понравилось, и он не оттолкнул бы Анну так, как меня, не назвал бы недоразумением?

– Приехали, – обрывает мои внутренние метания хозяин «Иволги». – Сама выйдешь? Или не в состоянии? – спрашивает насмешливо.

– Я вовсе не пьяная. И про фанты правду сказала. Прекратите уже издеваться надо мной, – зло дергаю ручку дверцы и по закону подлости вываливаюсь наружу, как если бы ноги меня совсем не держали.

– Не ушиблась? – подняли меня на этот раз за шиворот, еще и потянули верх за капюшон.

– Да что я вам... кот что ли? – взбеленилась на такое отношение. – Тискаете, как вздумается.

– Это я тискаю? – заиграли желваки на его скулах. Нервный какой мужчина. – Знаете, что, Лиза Добрынина... Идите спать и лучше не попадайтесь мне больше на глаза.

– С радостью, – дернулась, вырывая капюшон парки из его хватки, и бегом взлетела по ступенькам коттеджа, откуда, стоило распахнуть дверь, шибануло музыкой и смехом.

Остаться незамеченной не удалось.

– Лизхен, как все прошло? – отсалютовала бокалом Сюзанна.

– Он меня прогнал, – не собиралась делиться ни с кем подробностями.

– Я же говорила, не надо было ходить, – скользнула довольная улыбка на губах Анны.

– Вот и отлично! – завопил Толик. – Поцелуй лучше меня, Лиза.

– Обойдешься, – взяла со стола пластиковую бутылку с водой, отвинтила крышечку и сделала большой глоток. – Я спать. Всем доброй ночи, – не было у меня сейчас ни сил, ни желания продолжать веселье.

Укрывшись в комнате, вытащила из своей дорожной сумки спицы и клубки. Вязание всегда успокаивает меня. Мое хобби с юных лет, а с недавних времен еще и хороший источник денежной подработки.

– Лиза, – возникла на пороге Сюзаннка. – Все в порядке?

– Да, – ответила коротко, нанизывая петли на спицы.

– Подруга, можешь обманывать Толика, но не меня, – уперла она руки в бока. – Ты явно не в себе. Вяжешь... Выкладывай, давай.

Я взяла и рассказала. Выложила подруге все, как есть. И чем дольше говорила, тем быстрее порхали спицы в моих пальцах.

– Обалдеть, Добрынина, – плюхнулась Сюзанна в свободное кресло. – Вот это он склеил тебя.

– Он меня склеил? – уставилась непонимающе на Коршунову.

– Лиз..., – цокнула язычком Сюзанна. – Мужик тебе при первой встрече все вводные для обдумывания выложил – свой возраст, разведен, ребенок маленький. Тачку крутую продемонстрировал, еще и покатал в ней. В губы целовал, за руки держал. Неужели посыл не поняла?

– Посыл? – никак не смотрела я на ситуацию с такой стороны.

– Конечно, глупышка, – поцеловала меня Сюзанна в щеку. – Захар Дмитриевич тебе себя разрекламировал, теперь вердикта ждет – годен или нет.

ГЛАВА 4. ЛИЗА

Когда я взволнованна, то вяжу очень быстро. А сейчас я была не просто взволнованна. Вздуродоражена. Смятение испытывала. Прибавить сюда еще и гулко грохочущее сердце. Внутри что-то сжимается, в голове плывет, в животе крутит. Мрак просто. Ничего хорошего в таком состоянии нет. Зато есть название такому состоянию – любовная горячка.

Сна ни в одном глазу. Губы жжет до сих пор от того поцелуя, сознание кружит от запаха, оставшегося на моих волосах – его запаха.

– Сюзанн, тебе не мешает свет лампы? – спрашиваю подругу, когда та укладывается спать.

– Нет, дорогая. Если я заснула, то сплю крепко, ни свет, ни птичий щебет меня не разбудят. Даже гул в трубах не слышу.

– Гул в трубах? Вроде не гудит ничего, – прислушиваюсь на всякий случай.

– Да это я про безобразие в нашем доме в Москве говорю. Во всем подъезде гудит. И днем, и ночью. Многие спать не могут. В управляющей компании говорят, потерпеть надо, пока морозы, ничего исправить не смогут.

– А... Тогда хорошо, что ты сюда приехала. Отдохнешь от неприятного гула, – говорю и вывязываю подол кукольного платья. Кукол я вяжу на продажу. Как-то предложила в одном киоске, расположенном в переходе к метро, взять на пробу мою работу. Куклу в тот же день купили, и хозяин торговой лавки заключил со мной договор. Я им варежки и кукол поставляю, семьдесят процентов с каждой покупки мне, тридцать – магазину.

– Это точно. Очень хорошо, что мы сюда приехали, – уже сонно бормочет Сюзаннка.

Подружка засыпает, а я вяжу и вяжу заготовку, начатую еще дома. Только эту куклу не отдам на продажу. Она – для дочери Захара Дмитриевича. Он не сказал, как ее зовут, но упомянул, девочке – пять лет. В таком возрасте ребенку точно понравится играть с мягкой куклой.

В пятом часу утра наполняю готовую игрушку холлофайбером. Мне нравится этот легкий, почти невесомый материал, он хорошо держит форму изделия, в нем не скапливается пыль, не поселяются насекомые, и после стирки ничего не скукожится в комочки.

Кукла вышла забавной, озорной даже за счет прически в виде бубликов. Я уже решила, как отдам ее Раевскому. Мужчина совсем не хочет видеть меня, потому заверну в пакет, напишу записку и оставлю на крыльце.

Преисполненная решимости, обуваюсь, влезаю в парк и тихонько выскользываю на улицу. Первые признаки рассвета ложатся на заснеженную турбазу. Вокруг молчаливо, красиво невероятно. Я тороплюсь, подгоняя саму себя, боюсь потерять кураж и вернуться назад, так и не отдав куклу. А отдать надо, потому что связано для пятилетней девочки и ни для кого другого.

– Захар Дмитриевич? – замираю недоуменно. Точно он. Его медвежья фигура, походка уверенного в себе человека и приметная красная куртка. – Куда это вы собрались в такую рань?

Любопытство толкает идти следом, подсматривать, вынюхивать. А вдруг у него тут зазноба из обслуживающего персонала? К ней идет? – мучают меня типичные вопросы ревнивой девушки.

Мужчина минует островок домиков-шалы и заворачивает за пункт проката снегоходов. Пытаюсь вспомнить, что в той стороне. Каток, кажется. Собирается кататься на коньках? Едва не бегу, боюсь упустить его из виду. А как вновь вижу, прячусь за стволом кряжистой сосны. Раевский пришел не к тому озерцу, что залито под каток, а к пруду с проделанными во льду лунками для рыбаков. Вспомнилось объявление на информационном столбе о зимней рыбалке. Сейчас рыбаков тут нет. Один Захар Дмитриевич. Заходит на мостик и начинает раздеваться. С моего укрытия не видно, но я догадываюсь – там прорубь.

– Вот оно что... – не могу глаз оторвать от того, как он одним движением стягивает с себя свитер, быстро избавляется от штанов. Остается в одних плавках. – Божечки, какой же шикарный мужчина, – шепчу, сглатываю ком в горле. Мышцы, бицепсы, пресс, накачанные ноги – я все успела разглядеть за те несколько секунд, что он потратил на то, чтобы залезть в прорубь.

Пугаюсь вдруг. За него пугаюсь. Там же вода ледяная. А вдруг судорога? Сколько случаев, когда человека под лед уносило и не выбраться.

Бегу к мостику. В глазах рябит паникой, испугом. Не понимаю, вижу или не вижу, чтобы мужчина выныривал. На мостике наледь, поскользываюсь, зацепляюсь обо что-то мыском сапога и лечу вниз, напрямиком в зияющую темной водой яму.

Все происходит слишком быстро, я вмиг оказываюсь под водой. Соображать невозможно, холод ненормальный и полная темнота.

Держать рот закрытым нет больше никаких сил, и в тот миг, когда я собираюсь разлепить губы, меня вытаскивают наверх. Резко, грубо, рывком. Уже знакомые сильные руки держат, не дают свалиться.

– Совсем дура!? – орет Захар Дмитриевич. Орет, но при том кладет меня на снег аккуратно. Одевается с космической скоростью, затем взваливает меня на свое плечо. Я успеваю вцепиться негнушимися пальцами в пакет, где лежит кукла. К счастью, он выпал из моей руки, когда я валилась в прорубь, и игрушка не пострадала.

Он бежит. Реально бежит. И не слышу, чтоб дышал прям тяжело. А ведь я в своей мокрой одежде, наверное, вешу целую тонну.

Болтаюсь у него на плече. Мне неудобно, холодно, мокрые волосы лезут в рот, зубы стучат, пальцы на ногах едва чувствую. Но в то же время что-то такое цветет внутри меня, поет. Вот бы всю жизнь так – в его руках.

Мужчина чертыхается, когда не с первого раза удается ему вынуть ключ от своего коттеджа из кармана куртки. Мое тело мешает ему, но он все равно продолжает держать меня. Наконец у него получается открыть дверь. В коридоре зажигается свет, я пытаюсь рассмотреть обстановку, но в моем положении кверху-ногами, это трудно.

Он ставит меня на пол в ванной комнате.

– Раздевайся и марш в душ! – командует Раевский.

– А во что мне потом переодеться? – смотрю на него зачарованно.

Захар Дмитриевич так свирепо зыркает на меня, что я мигом начинаю делать то, что он велит.

ГЛАВА 5. ЛИЗА

Кое-как расстегиваю пуговицы куртки, Захар Дмитриевич настраивает душевую лейку.

– Я сделал воду погорячее, – тяжело смотрит он на меня. Этот взгляд я уже легко читаю, в нем отражается мой приговор – *Идиотка*. – Стой под душем, пока не согреешься.

– Хорошо, – трясусь всем телом, холодно и противно в сырой одежде.

Хозяин коттеджа оставляет меня одну, и я с трудом стягиваю с себя прилипшие джинсы, свитер, белье. Лезу в душ. Кожу мгновенно жжет, но я не меняю температурный режим. Так, когда горячо, в самый раз. Я просто стою под тугими, сплошными водными струями, согреваюсь, не думаю ни о чем. Не мылюсь, не собираюсь брать его средства для душа. Мне жаль, что все так по-дурацки. Нелепо. Я выгляжу в его глазах нелепой и дурной.

Улавливаю движение, отодвигаю занавеску, намереваюсь выглянуть немного совсем, но мне вновь не везет. Видимо, я сильно потянула за винил, одна из петель, удерживающая шторку на рее, отлетела, и Раевский смог узреть меня... полностью нагую. Вряд ли облачко пара могло что-либо скрыть.

– Доведешь ты меня, Добрынина, до инфаркта своими выходками, – ожидаемо решил он, что я это специально.

Мужчина задвинул шторы, убирая меня с глаз своих долой.

– Одежду твою в сушилку унесу, – сухим тоном давал понять он, как недоволен моим поведением и возней со мной в целом. – На стиральную машинку положил, во что переодеться. Придешь потом в гостиную, я камин разожгу.

– Камин? – само собой сорвалось с губ. Думала-то я вовсе не о камине, а о том, понравилась ли я Захару Дмитриевичу без одежды.

– Посидишь у камина, чай с малиной попьешь, – буркнул он и ушел.

Я взяла с полочки флакон шампуня и от души вспенила на волосах. Потом вылила на себя полтюбика геля, подумала и остатки тоже вылила на себя. Не знаю зачем.

Интересно, что за одежду он мне оставил? – выключила воду, решив, что достаточно согрелась. Не хотелось бы, чтобы это было что-то из гардероба его бывшей жены. Мало ли, как они расстались... Плохо, наверное. И в ее одежде я подсознательно стану вызывать у Раевского еще больший негатив.

О чистом полотенце он не подумал, потому вытерлась тем, какое нашла. Сухой одеждой оказались футболка с длинным рукавом, носки и спортивные штаны. И принадлежали вещи однозначно хозяину дома. Можно было бы оставить одну футболку, все равно, что платье. Но смущало отсутствие белья. Пришлось подворачивать штаны и подвязывать их на талии завязками.

Обнаружила фен, что было весьма кстати. Волосы-то у меня до самой поясницы, без фена тяжело и долго просушивать.

Я пошла искать гостиную. И теперь могла осмотреться. Уютный дом. В бежево-каштановых тонах, с охотничьей атрибутикой, в этнических узорах половицами. Миновала две спальни, куда заглянула, затем резную витиеватую лестницу, ведущую на второй этаж, и попала в круглую гостиную с настоящим камином. Еще тут была елка. Живая, не искусственная, наряженная шариками из разных наборов. Под ней подарочные коробки. Ждет гостей?

– Можешь в кресло сесть или на шкуру, – не особо глядел в мою сторону Захар, ворочая поленья в камине.

Села на шкуру, поджав под себя ноги, пряча таким образом слишком большие для меня носки. Мужчина вышел и появился с подносом, поставил его на низкий журнальный столик и придвинул поближе ко мне. Удивительно, сам сел почти рядом. И кружек на подносе было две. И кроме варенья еще мягкие вафли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.